

УДК 572.02: 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.297.310>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА БЕРЕЛ)

© 2023 г. Е.П. Китов

В статье представлены палеоантропологические материалы раннего периода функционирования могильника Берел, связанного с пазырыкской культурой. Памятник расположен на Алтае (Республика Казахстан). В статье приведены краниологические, одонтологические данные и свидетельства посмертных манипуляций с костями индивидов из крупных курганов, принадлежавших лицам высокого социального статуса. Физические особенности населения, представленного в могильнике, находят аналогии, как в пазырыкской культуре, так и среди населения сакских культур Центральной Азии. Наличие женского черепа с монголоидным обликом в кургане 16 подтверждает уже имеющиеся представления об участии индивидов с восточным, монголоидным обликом в полноценной жизни пазырыкского сообщества. Посмертные манипуляции с телами, следы которых фиксируются на костных останках лиц высокого социального статуса могильника Берел, существенно дополняют базу данных для понимания нюансов погребальных традиций, связанных с искусственной мумификацией тел. Прощальные церемонии в условиях кочевого образа жизни не всегда представляются возможными в короткие сроки. Можно предположить, что мумификация тел был подготовительным этапом для сложного и длительного процесса прощальных традиций перед погребением тела в условиях аридного климата.

Ключевые слова: археология, краниология, мумификация, одонтология, пазырыкская культура, палеоантропология, перфорация, погребальные традиции, ранний железный век, трепанация.

ANTHROPOLOGICAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE PAZYRYK CULTURE (BASED ON MATERIALS FROM THE BEREL BURIAL MOUND)

E.P. Kitov

The article presents paleoanthropological materials from the early period of the functioning of the Berel burial mound Pazyryk culture. The monument is located in Altai (Republic of Kazakhstan). The author presents craniological, odontological data and evidence of post-mortem manipulations with the bones of individuals from large mounds that belonged to people of high social status. The physical characteristics of the population represented in the burial mound find analogies both in the Pazyryk culture and among the population of the Saka cultures of Central Asia. The presence of a female skull with a Mongoloid appearance in mound 16 confirms already existing ideas about the participation of individuals with an eastern, Mongoloid appearance in the full life of the Pazyryk community. Post-mortem manipulations with bodies, traces of which are recorded on the skeletal remains of persons of high social status at the Berel burial mound, significantly complement the database for understanding the nuances of burial traditions associated with the artificial mummification of bodies. Farewell ceremonies in a nomadic lifestyle are not always possible in a short time. It can be assumed that the mummification of bodies was a preparatory stage for a complex and lengthy process of farewell traditions before the burial of the body in an arid climate.

Keywords: archaeology, craniology, mummification, odontology, Pazyryk culture, paleoanthropology, perforation, burial traditions, early Iron Age, trepanation.

Могильник Берел находится в непосредственной близости от места где сходятся границы четырех современных государств: Казахстана, России, Китая и Монголии.

Памятник расположен на третьей цикловой террасе р. Бухтарма в Катонкарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, в нескольких км от с. Берел.

Плато Укок известное своими пазырыкскими памятниками находится на удалении около 85 км по прямой от расположения могильника.

Первые раскопки на памятнике в середине XIX в. проводил В.В. Радлов, затем в 1959 году С.С. Сорокин (Сорокин, 1969). С 1998 года по настоящее время масштабные раскопки проводятся под руководством З.С. Самашева. За время археологических работ было выявлено два основных периода функционирования могильника: пазырыкский IV-III (вв. до н.э.) и предтюркский «сяньбийско-жужанский» период (III-V вв. н.э.) (Самашев, 2017; 2018).

Несмотря на длительный период археологических работ на курганах Береля,

Краниологические характеристики небольшой серии черепов позволяют охарактеризовать физические особенности населения (табл.4), несмотря на неудовлетворительную сохранность (для возможности работы автором публикации была проведена реставрация).

Мужские черепа характеризуются средним макро- и микрорельефом. Черепная коробка широкая, высокая, по указателю мезокранная. Лоб широкий, слабонаклонный. Поперечные размеры основания черепа очень большие. Лицевой отдел широкий, по указателю лептен. Горизонтальная профилировка имеет тенденцию к уплощению на верхнем и достаточно сильное уплощение на среднем уров-

Таблица 1. Половозрастные определения индивидов из могильника Берел
Table 1. Gender and age definitions of individuals from the Berel burial mound

	Курган (объект)/погребение	Пол	Возраст (лет)
1	2	жен.	45-55
2	5	жен.	25-35
3	9 (кости за срубом)	муж.	25-35
4	10	муж.	25-35
5	16	муж.	45-55
6	16	жен.	18-25
7	18	муж.	25-35
8	32	жен.	25-35
9	41	муж.	35-45
10	41	реб.	8
11	42	жен.	18-25
12	44	муж.	35-45
13	72	жен.	18-20

были опубликованы лишь предварительные данные по трепанациям на черепах (Китов, 2013) и реконструкции лиц по черепу (Нечвалода, 2015, с.25-29), реконструкции Д.В. Позднякова на сегодняшний день не опубликованы.

В статье представлены краниометрические и одонтологические данные, а также описание и анализ искусственных поврежденных скелетированных останков из курганов пазырыкской культуры, которые связаны с мумификацией индивидов высокого социального статуса. В таблице 1 представлены половозрастные определения всех индивидов из курганов первого (раннего) этапа, пригодных для определений.

По вертикали фиксируется ортогнатия при прогнатной альвеолярной части. Орбиты очень высокие и очень широкие, мезоконхные. Нос среднеширокий, очень высокий лепторинный. Носовые кости широкие, очень высокие, сильно выступают в профиль. Клыковая ямка неглубокая. Нижняя челюсть по широкая в мышечковой ширине, очень высокая по высоте симфиза.

Женские черепа имеют средневыраженный макро- и микрорельеф. Черепная коробка очень широкая, высокая, по указателю мезокранная. Лоб широкий, слабонаклонный. Поперечный размер основания черепа очень большой. Лицевой отдел очень широкий, по указателю мезен. Горизонтальная профили-

Рис. 1. Мужской череп из кургана 16
Fig. 1. Male skull from barrow 16

ровка имеет тенденцию к уплощению из-за большой ширины лица на обоих уровнях. По вертикали фиксируется ортогнатия при прогнатной альвеолярной части. Орбиты очень широкие и средневысокие, мезоконхные. Нос очень широкий, очень высокий, платиринный. Носовые косточки широкие, очень высокие, слабо выступают в профиль. Клыковая ямка неглубокая. Нижняя челюсть широкая в мышечковой ширине, очень высокая по высоте симфиза.

Мужские черепа более европеоидные имеют более профилированный лицевой отдел и большее выступание носовых костей. Черепа из кургана 16 (рис. 1) и 9 (плохой сохранности) схожи по морфологическим особенностям лицевого отдела и черепной

коробки. При этом лицевой отдел, более профилирован у индивида из кургана 9. Женские черепа имеют близкие характеристики с мужскими, за исключением женского из кургана 16 (рис.2). Морфологически он сильно отличается от всех индивидов. Лицевой отдел широкий, уплощенный, скуловые кости широкие, слабопрофилированные, носовые кости очень широкие и средневысокие, очень слабо выступают в профиль. Подобные характеристики можно отнести к центральноазиатским монголоидам. Так как курган 16 относится к большому могильному сооружению с богатым сопровождающим инвентарем, можно предположить инородное происхождение женщины и инкорпорирование ее в среду элитарного среза пазырык-

Рис. 2. Женский череп из кургана 16
Fig. 2. Female skull from barrow 16

Таблица 2. Основные одонтологические характеристики серии могильника Берел пазырыкской культуры
 Table 2. Main odontological features of the series from the Berel burial mound of the Pazyryk culture

Диаст. I'-I'	Крауд. I'	Редукция I'		shov I' (2+3)	shov I' (2+3)	Cara M'		Форма по Дальбергу (в баллах)					
		(балл 0)	(балл 1)			(2-5)	(3-5)	M' (4)	M' (4-)	M' (3,3+)	M' (4)	M' (4-)	M' (3,3+)
0 (100)	0 (100)	60 (5)	20 (5)	0 (1)	100 (1)	25 (4)	25 (4)	100 (6)	0 (6)	0 (6)	0 (3)	66,7 (3)	0 (3)
Форма по Хельману (колич. бугорков)		Узор борозд				Форма по Хельману (колич. бугорков)		Узор борозд				Tami M ₁	dte
M ₁ (6)	M ₁ (5)	M ₁ (4)	M ₁ (Y)	M ₁ (X)	M ₁ (+)	M ₂ (5)	M ₂ (4)	M ₂ (3)	M ₂ (Y)	M ₂ (X)	M ₂ (+)		
0 (7)	83,3 (7)	16,7 (7)	75 (8)	25 (8)	0 (8)	0(2)	100 (2)	0(2)	50 (2)	50 (2)	0 (2)	16,7 (6)	33,3 (3)
эпикристинд	dw	2 med			1 pa (eo)			Затек эмали M ₂			Затек эмали M ²		
		II	III	fc	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(5+6)	(4)	(5)	(5+6)
100 (2)	50 (2)	0 (2)	100 (2)	0 (2)	-	-	-	100 (4)	0 (4)	0 (4)	50 (2)	50 (2)	50 (2)

(в %, в скобках дано количество индивидов у которых можно определить наличие или отсутствие признаков)

Условные обозначения: *shov I'* – лопатообразность I', *dte* – дистальный гребень тригониды M_p, *dw* – коленчатая складка метаконида M_p, **M₁ 6** – шестибугорковые M_p, **Cara M'** – бугорок Карабеллы на M', **M₁ 4** и **M₂ 4** – четырехбугорковые M₁ и M₂, **2 med (II)** – место впадения 2-й борозды метаконида на M_p, **tami** – внутренний средний дополнительный бугорок на M_p, **M² Σ3, 3+** – сильно редуцированные формы коронки M² (тип по Дальбергу), **1 eo (3)** – лирообразная (тип 3) форма 1-й борозды эконоуса (то же “параконоуса”) на M¹.

ского общества. Индивиды с монголоидным обликом были представлены как в статусе рядовых, так и в качестве элиты общества в могильнике Ак-Алаха 3; 5 (Чижишева, Поздняков, 2022). Сравнивая краниологические характеристики черепов из могильника Берел и другими могильниками пазырыкской культуры можно отметить их близкие краниологические характеристики (Чижишева, 2012, с. 137-153), что не выделяет данный могильник из ареала рассматриваемой археологической культуры.

Одонтологические характеристики, несмотря на крайне небольшую численность и плохую сохранность материала имеют наличие восточных признаков таких, как коленчатая складка метаконида и дистальный гребень тригониды (табл.2), при этом затеки эмали баллов 5 и 6 не зафиксированы, а первые и вторые верхние резцы в серии практически отсутствуют, что не позволяет полностью охарактеризовать одонтологическую серию.

Костные останки представителей пазырыкской элиты из крупных курганов с богатым инвентарем (в том числе и из драгоценных металлов) и жертвенными животными имеют

следы посмертных манипуляций, особенно в которых представлены в таблице 3.

Из кургана 2 происходит скелет и череп женщины. Череп не целый, фрагментированный. Был доставлен монолитом, но плохая сохранность черепной коробки и лицевого отдела не позволила его восстановить. Несмотря на его плохую сохранность, на затылке можно отметить отверстие неправильной формы с закругленными краями, и сам фрагмент, вырезан металлическим орудием, вероятно остро наточенным ножом. Размеры фрагмента 57 на 54 мм. Можно констатировать что манипуляция проводилась после смерти индивида. Вырезанный фрагмент затылочной кости по всей видимости был вставлен на место и зафиксирован.

На костях скелета можно отметить 2 отверстия, сделанные на верхней части диафизов плечевых костей. Отверстия сквозные выполнены до внутренней полости кости, имеют продолговатую форму. Длинной стороной расположены вдоль диафиза и имеют размеры 10 на 8 мм. Отверстия выполнены инструментом с диаметром металлической рабочей части около 8 мм. Перфорация выполнялась

Таблица 3. Наличие трепанационных отверстий и следов посмертных манипуляций на костях индивидов из могильника Берел

Table 3. Presence of burr holes and traces of post-mortem manipulations on the bones of individuals from the Berel burial mound

Курган	наличие трепанационных отверстий	отверстия на костях	отверстия на позвонках	Другие особенности
2	+ (вырезана)	+	+	-
5	-	-	-	-
9 (кости за срубом)	+ (пробой с дорезыванием)	?	?	-
10	+ (пробой с дорезыванием)	?	?	-
16	+ (пробой с дорезыванием)	+	+	подрезаны углы челюсти, срезаны сосцевидные отростки, просверлены отверстия в ветвях челюсти
16 (жен.)	+ (вырезана)	+	+	Вырезан прямоугольный фрагмент на передней части крестца
32	-	-	-	-
41	-	-	-	-
41	?	?	?	-
42	-	-	-	-
44	?	?	?	-
72	-	-	?	-

под наклоном, что расширило отверстие по одной из сторон на 2 мм. На бедренных костях фиксируются сквозные отверстия. На медиальной части нижней трети левой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм., на дистальной части нижней трети кости два отверстия диаметром 6,5 мм. На дистальной части нижней трети правой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм.

На черепе из кургана 9 (кости за срубом) также фиксируется сквозное отверстие неровной формы в области стыка теменных и затылочной костей, смещенное в сторону левой теменной кости. Наличие радиальных трещин позволяет предположить, что отверстие является следствием удара тупым предметом, после чего края трепанационного отверстия дорезались острым предметом (рис.3). Кости посткраниального скелета и удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовали.

Из кургана 2 происходит скелет и череп женщины. Череп не целый, фрагментированный. Был доставлен монолитом, но плохая сохранность черепной коробки и лицевого отдела не позволила его восстановить. Несмотря на его плохую сохранность, на затылке можно отметить отверстие неправильной формы с закругленными краями, и сам фрагмент, вырезан металлическим орудием, вероятно остро наточенным ножом. Размеры фрагмента 57 на 54 мм. Можно констатировать что манипуляция проводилась после смерти индивида. Вырезанный фрагмент затылочной кости по всей видимости был вставлен на место и зафиксирован.

На костях скелета можно отметить 2 отверстия, сделанные на верхней части диафизов плечевых костей. Отверстия сквозные выполнены до внутренней полости кости, имеют продолговатую форму. Длинной стороной расположены вдоль диафиза и имеют разме-

Рис. 3. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 9

Fig. 3. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 9

ры 10 на 8 мм. Отверстия выполнены инструментом с диаметром металлической рабочей части около 8 мм. Перфорация выполнялась под наклоном, что расширило отверстие по одной из сторон на 2 мм. На бедренных костях фиксируются сквозные отверстия. На медиальной части нижней трети левой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм., на дистальной части нижней трети кости два отверстия диаметром 6,5 мм. На дистальной части нижней трети правой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм.

На черепе из кургана 9 (кости за срубом) также фиксируется сквозное отверстие неровной формы в области стыка теменных и затылочной костей, смещенное в сторону левой теменной кости. Наличие радиальных трещин позволяет предположить, что отверстие является следствием удара тупым предметом, после чего края трепанационного отверстия дорезались острым предметом (рис. 3). Кости посткраниального скелета и удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовали.

На черепе мужчины из кургана 10 можно отметить сквозное посмертное отверстие неровной формы, которое расположено на затылочной кости со смещением вправо от

сагиттали. Скорее всего, отверстие является следствием удара тупым предметом, после чего края дорезались, на краях фиксируются следы острого предмета (рис. 4). Кости посткраниального скелета и удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовали.

Трепанационные перфорационные отверстия были зафиксированы на костях скелета мужчины и женщины из кургана №16. На черепе мужчины можно отметить сквозное отверстие неровной формы без следов заживления (67×58 мм), которое затрагивает затылочную и обе теменные кости (рис. 5). Оно является, скорее всего, следствием удара тупым предметом, что подтверждается компрессионными трещинами, края отверстия дорезались острым металлическим предметом.

Углы нижней челюсти и сосцевидные отростки срезаны, что может свидетельствовать о предсмертной или посмертной декапитации (отчленения головы). К сожалению, позвонки верхней части шейного отдела, которые также могли быть повреждены при декапитации, не сохранились. Обе ветви нижней челюсти имеют сквозные отверстия без следов заживления. Отверстия в обеих ветвях нижней челюсти просверлены после удаления мягких тканей (жевательных мышц), и могли служить для фиксации нижней челюсти в естественном положении (например, путем подвязывания ее к скуловым дужкам). На левой части верхней челюсти присутствуют следы среза. Имеющиеся на костях черепа повреждения могут свидетельствовать о декапитации с последующим использованием черепа в ритуальных действиях (рис. 6). Удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовал.

На черепе женщины лет из кургана № 16 имеется сквозное отверстие прямоугольной формы, захватывающее затылочные углы обеих теменных костей и верхнюю часть затылочной кости (рис.7). Отверстие смещено от сагиттальной плоскости в сторону левой теменной кости. Следы по краям отверстия свидетельствуют о том, что оно было выполнено режущими движениями острым предметом. Признаков заживления не наблюдается. Также найдена вырезанная часть черепной коробки. Размеры отверстия на черепе 64 x 35,8 мм. Размеры

Рис. 4. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 10
Fig. 4. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 10

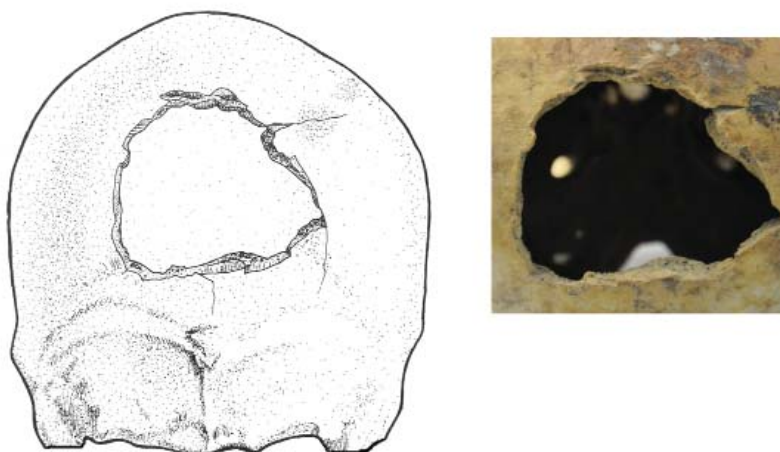

Рис. 5. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 16
Fig. 5. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 16

Рис. 6. Могильник Берел, следы срезов на мужском черепе из кургана 16
Fig. 6. Berel burial mound, traces of cuts on a male skull from barrow 16

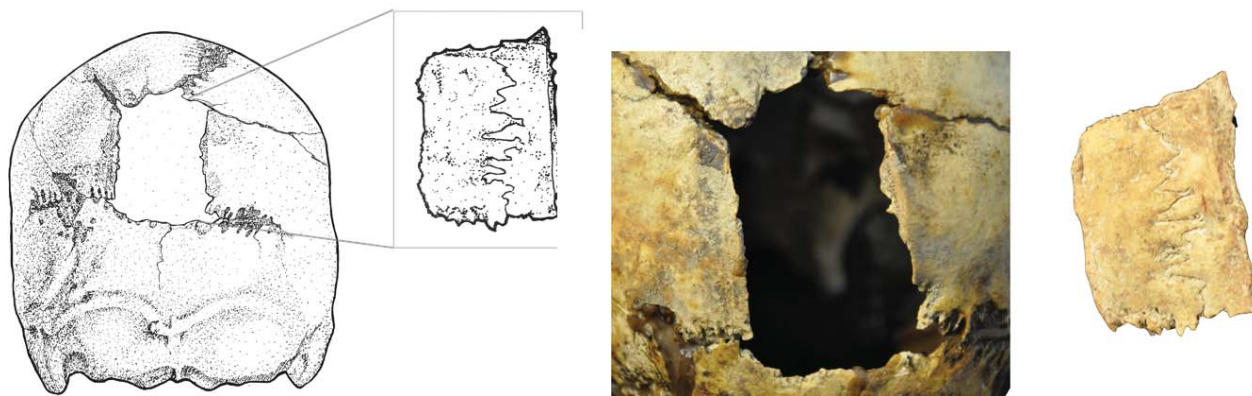

Рис. 7. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 16
Fig. 7. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 16

подпрямоугольного вырезанного фрагмента черепа – 42 x 33 мм. На вырезанной части черепа также видны следы, оставленные острым предметом. По всей видимости, черепная коробка вскрывалась острым ножом после смерти индивида (Китов, 2013).

На костях обеих индивидов имеются многочисленные сверленные отверстия, которые локализуются на длинных костях скелета, позвонках, лопатках, тазовых костях, фалангах (рис. 8). На крестце женщины с внутренней стороны имеется прямоугольный вырез размерами 72 на 20 мм. до крестцового канала, вырезанный фрагмент отсутствует.

Во всех случаях манипуляции с костями выполнялись после смерти индивида, когда тело человека лежало на спине, по всей видимости с вытянутыми вдоль тела руками. Трепанационные отверстия были выполнены на черепе в затылочной части. Подобная

картина фиксировалась ранее при анализе костей посткраниального скелета центрального и бокового погребений кургана 4 могильника сакской культуры Елеке Сазы II в Восточном Казахстане, который датируется VII в. до н.э. (Китов, Китова, 2018) и курганов 14 и 15 могильника Аксуат III, датируемого IV–II вв. до н.э. (Китов и др., 2016).

При рассмотрении перфорационных и трепанационных отверстий возникает закономерный вопрос: с какой целью выполнялись зафиксированные нами посмертные манипуляции с телом человека? Для выполнения подобных манипуляций на костях необходимо было удалить мягкие ткани, при этом тело лежало на спине. Наличие в пазырыкских курганах мерзлотных линз позволило проанализировать мумифицированные тела, на которых были следы препарирования. Самые ранние находки со следами искусственной

Рис. 8. Могильник Берел, посмертные перфорационные отверстия на телах позвонков (женского и мужского скелета) и на акромионе лопатки мужчины из кургана 16
Fig. 8. Berel burial mound, post-mortem perforations on the corpus vertebrae (female and male skeleton) and on the acromion of the scapula of a man from barrow 16

мумификации отмечались на костях индивида из первого Башадарского кургана, где на костях посткраниального скелета, шейных позвонках фиксируются перфорации (Руденко 1960; 331-332). Они, по мнению автора, свидетельствуют об их выполнении на костях трупа с нетронутыми связками и мышцами на препарированном теле. Сверление выполнялось следующим образом: по коловороту (с пёрком около 6 мм) наносились удары, оставлявшие углубление на теле умершего. Там, где нужно было проникнуть в костно-мозговые полости или канал спинного мозга, выполнялось сверление, иногда на всю длину пёрка, после чего вводился консервирующий состав для бальзамирования тела погребенного (Руденко 1960, с. 331–332).

При препарировании тел старика и мальчика из раскопок Шибинского кургана были удалены внутренности и мускулатура, а через трепанационное отверстие был удален мозг. Все разрезы были зашиты нитками. У женщины из второго Пазырыкского кургана на черепе разрезана и раздвинута кожа, тупым предметом была выполнена трепанация. После извлечения мозга черепная коробка была заполнена землей, хвоей и шишками, фрагмент кости был вставлен на прежнее место, кожа была сшита сухожильными нитками. Также на телах из погребений Пазырыкской культуры были выявлены многочисленные разрезы на телах и конечностях погребенных, которые, вероятно, были зашиты после введения в них консервирующего состава (Руденко 1953: 326-327). Также аналогичный прием бальзамирования был описан Е.В. Гинзбургом на скелете мужчины из кургана 1, могильника 4 у озера Сары-Коль (раскопки Восточно-Казахстанской экспедиции в 1949 году). С.С. Черниковым он был датирован III в. до н.э. При этом все находки костей со следами мумификации происходят из погребений знати, могил вождей племени (Руденко 1960: 334). Следы бальзамирования были встречены и на других хорошо сохранившихся останках из крупных и средних курганов пазырыкской культуры. В целом они близки описанным С.И. Руденко случаям (Молодин и др. 2000). Встречены они и на материалах уюкско-саглынской культуры с территории Тувы (Зубова 2009).

Перфорированные черепа и кости обнаружены и в курганах тасмолинской культуры

VIII-V вв. до н.э. Северного и Центрального Казахстана [Боев, Исмагулов 1962; Гинзбург, 1956, с. 260-261; Кадырбаев, 1978, с. 111; Бейсенов, Китов 2014а, 2014б; Китов, Бейсенов 2015; Бейсенов и др., 2015]. В последнее время ареал распространения подобных традиций прослежен и на территорию Притяньшанья вплоть до территории Киргизии [Китов и др., 2019, с. 175-184].

Во всех случаях можно провести аналогии с хорошо сохранившимися пазырыкскими мумиями, где удаленный фрагмент после извлечения мозга и набивки полости мозговой коробки органикой вставлялся на место, и кожа зашивалась. Можно предположить, что в ряде случаев была такая же практика, но на более ранних материалах консервация по всей видимости производилась через перфорационные отверстия на черепах и костях.

Можно предположить, что подобные ритуалы мумификации являются общими для всей сакской общности раннего периода ее функционирования и связаны с общим направлением антропологически разнородного миграционного потока при участии местных групп населения с территории Сибири и Алтая до Тянь-Шаня, в результате подобных миграционных потоков происходило формирование общего информационного поля, связанного с передачей и использованием близких по форме ритуальных действий. При этом наибольший их расцвет связан с пазырыкской культурой.

На материалах ранних кочевников Волго-Уральского региона трепанации встречены редко, что может свидетельствовать об отсутствии широкого применения традиции трепанирования как в погребальных практиках, так и для лечебных целей. Однако, подобные практики все же встречаются [Рохлин, 1960; Китов, Мамедов, 2014; Кириченко, 2016; Перерва, 2017; Китов и др., 2019]. Отсутствие подобных практик у савромато-сарматских групп позволяет сделать вывод об отличиях культурных традиций между двумя общностями: сакской и савромато-сарматской.

Для древних обществ важное значение имели ритуальные действия, связанные с прощанием и проходами покойных знатных лиц. На трепанированных черепах с территории рассматриваемого нами региона во всех случаях отверстия расположены в «слепой зоне», которая остается невидимой для всех

Таблица 4. Краниологические данные по индивидам из могильника Берел
 Table 4. Craniological data on individuals from the Berel burial mound

курган		к.9	к.10	к.16	к.16	к.42	к.72
пол		♂	♂	♂	♀	♀	♀
Признак	Линейные:						
1.	Продольный диаметр	197,0	188,0	185,0	182,0	181,0	-
8.	Поперечный д.	142,0	147,0	147,0	143,0	136,0	-
17.	Высотный д.	146,0	141,0	135,0	-	140,0	-
20.	Ушная высота	123,0	-	118,0	119,0	119,0	-
5.	Длина осн. черепа	114,0	100,0	108,0	-	106,0	-
9.	Наим. ширина лба	105,0	104,0	100,0	98,0	92,0	85,0
10.	Наиб. ширина лба	135,0	132,0	126,0	120,0	115,0	115,0
11.	Шир. осн. черепа	-	131,0	126,0	128,0	118,0	-
12.	Ширина затылка	122,0	111,0	117,0	-	107,0	100,0
25.	Сагиттальная дуга	380,0	-	-	-	367,0	333,0
26.	Лобная дуга	134,0	145,0	139,0	123,0	127,0	115,0
27.	Теменная дуга	141,0	133,0	-	-	127,0	117,0
28.	Затылочная дуга	105,0	-	120,0	-	113,0	101,0
29.	Лобная хорда	117,0	122,0	121,0	109,0	111,0	105,0
30.	Теменная хорда	123,0	114,0	109,0	-	114,0	105,0
31.	Затылочная хорда	82,0	104,0	95,0	-	96,0	90,0
40.	Длина осн. лица	109,0	-	99,0	-	101,0	-
43.	Верхняя ширина лица	120,0	109,0	115,0	107,0	104,0	98,0
45.	Скуловой диаметр	140,0	-	139,0	135,0	123,0	-
46.	Средняя ширина лица	100,0	-	102,0	109,0	99,0	91,0
47.	Полная высота лица	-	-	142,0	120,0	122,0	-
48.	Верхняя высота лица	79,0	-	84,0	74,0	73,0	66,0
51.	Ширина орбиты	-	-	45,8	44,5	44,1	39,0
51a.	Ширина орбиты от d.	-	-	41,8	42,4	-	37,8
52.	Высота орбиты	-	-	38,1	34,5	35,6	33,5
54.	Ширина носа	25,2	-	25,9	30,8	28,5	23,8
55.	Высота носа	54,2	-	59,7	53,3	53,0	48,5
sc.	Симотическая ширина	-	-	10,4	10,8	-	5,7
ss.	Симотическая высота	-	-	6,2	4,2	-	2,6
mc.	Максиллофр. ширина	-	-	17,1	22,7	-	-
ms.	Максиллофр. высота	-	-	7,9	5,6	-	-
FC.	Глуб. клыковой ямки	5,8	-	1,6	2,6	4,2	4,7
Sub.NB	Высота изгиба лба	27,5	-	31,4	24,4	26,0	-
Угловые:							
32.	Наклона лба	-	-	81,0	87,0	86,0	-
GM/FH	Профиля лба от g.	79,0	-	74,0	82,0	79,0	-
72.	Общелицевой	-	-	88,0	88,0	85,0	-
73.	Среднелицевой	-	-	96,0	93,0	91,0	-
74.	Альвеолярной части	-	-	72,0	76,0	82,0	-

75(1).	Выступания носа	-	-	27,0	17,0	-	-
77.	Назомаллярный	135,0	-	140,0	143,0	140,0	149,0
zm.	Зигомаксиллярный	137,0	-	147,0	139,0	135,0	132,0
Указатели:		-	-	-	-	-	-
8/1.	Черепной	72,1	78,2	79,5	78,6	75,1	-
17/1.	Высотно-продольный	74,1	75,0	73,0	-	77,3	-
17/8.	Высотно-поперечный	102,8	95,9	91,8	-	102,9	-
20/1.	Высотно-прод.от р.	62,4	-	63,8	65,4	65,7	-
20/8.	Высотно-попер.от р.	86,6	-	80,3	83,2	87,5	-
9/8.	Лобно-поперечный	73,9	70,7	68,0	68,5	67,6	-
9/43.	Фронтно-малярный	87,5	95,4	87,0	91,6	88,5	86,7
40/5.	Выступания лица	95,6	-	91,7	-	95,3	-
48/45.	Верхнелицевой	56,4	-	60,4	54,8	59,3	-
47/45.	Общелицевой	-	-	102,2	88,9	99,2	-
52/51.	Орбитный	-	-	83,2	77,5	80,7	85,9
54/55.	Носовой	46,5	-	43,4	57,8	53,8	49,1
ss/sc.	Симотический	-	-	59,6	38,9	-	45,6
ms/mc.	Максиллофронтальный	-	-	46,2	24,7	-	-
ds/dc.	Дакриальный	-	-	74,0	-	-	-
Описательные:							
	Надпереносье	3,0	2,0	3,0	1,0	1,0	1,0
	Затыл. бугор.	4,0	4,0	2,0	0,5	0,0	0,0
	Сосцев. отр.	2,5	2,5	1,5	1,0	1,0	2,0
	Пер.-носов. к.	4,0	-	3,0	2,0	2,0	-
Нижняя челюсть:							
65.	Мыщелковая ширина	-	-	127,0	125,0	119,0	-
66.	Угловая ширина	-	-	-	-	102,0	-
67.	Передняя ширина	-	-	52,0	55,0	51,0	-
69.	Высота симфиза	-	-	42,1	31,8	35,6	-
69(1).	Высота тела	-	-	-	33,3	34,2	-
69(3).	Толщина тела	-	-	16,1	14,2	12,3	-
71a.	Наим.ширина ветви	-	39,3	38,0	39,0	33,6	-
С.	У. выст.подбородка	-	-	-	68,0	71,0	-

участников ритуального процесса прощания с покойником. Можно допустить, что одним из важных практических моментов здесь выступала необходимость хранения тела до момента предания земле. В случаях, зафиксированных на материалах пазырыкской культуры, тщательность бальзамирования, удаление мягких тканей, введение консервирующих составов и набивка тела травой, стеблями и корнями с дальнейшим зашиванием рассеченной кожи может свидетельствовать о необходимости сохранения тела в течении длительного времени до момента его погребения.

Цель подобной традиции может быть объяснена необходимостью прощания членов родоплеменного объединения с лицом высокого социального ранга, что в условиях кочевого образа жизни не всегда представляется возможным в короткие сроки.

Таким образом индивиды, захороненные в могильнике Берел имеют физические особенности сходные с населением представленным в пазырыкских памятниках Алтая. Идентичность погребальных традиций, связанных с мумификацией знатных представителей общества не выделяет могильник Берел из памятни-

ков на территории распространения сакских племен смешанного европеоидно-монголоидного облика. Публикуемые материалы позволяют расширить краниологические и одонтологические данные, значительно дополняют свидетельства погребальных традиций пазырыкской культуры на территории Алтая и

Восточного Казахстана. Именно на этих территориях традиции бальзамирования тела для мумификации имеют максимальное свое развитие, что подтверждает близость идеологических представлений населения на территории Центральной Азии сакского облика.

ЛИТЕРАТУРА

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014а. №4 (28). С. 71–85.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014б. № 4–2 (84). С. 31–41.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Боев П., Исмагулов О. Трепанированный череп из Казахской ССР // СЭ. 1962. № 2. С. 131–132.

Гинзбург В.В. Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Труды Института этнографии, новая серия. Т. XXXIII / Отв. ред. Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин. М.: АН СССР, 1956. С. 238–298.

Зубова А.В. К вопросу о мумификации у раннескифского населения Тувы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 267–269.

Кадырбаев М.К. Археологические данные по истории медицины в Казахстане // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 109–116.

Кириченко Д.А. О случаях трепанации у сарматских племен Евразии. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 112–119.

Китов Е.П. Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. II / Ред. Д.А. Байтлеу, М.Б. Хасенова. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 237–241.

Китов Е.П., Бейсенов А.З. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология 2015. № 1. С. 37–48.

Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е. Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // Stratum plus, 2016. №3. С. 369–379.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.

Китов Е.П., Китова А.О. Могильник Елеке Сазы II в Восточном Казахстане (анализ искусственных повреждений костей погребенных) // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии: материалы международного XV Евразийского научного форума (Астана, 25 октября 2018 г.). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 312–319.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Блаттер У., Бородовский А.П., Быков В.А., Василевский В.К., Васильев С.К., Виноградова Е.В., Власов А.А., Воевода М.И., Володина Т.В., Глушкова Т.Н., Денисов-Никольский Ю.И., Деревянко А.П., Докторов А.А., Дубинская В.А., Краевская И.Л., Кундо Л.П., Малахов В.В., Михайлов Н.Н., Мороз М.В., Мыльников В.П., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Ребров Л.Б., Реброва Г.А., Ревуцкая Г.К., Редькин А.Г., Ромащенко А.Г., Рослякова Н.В., Седелников В.П., Семкин В.И., Слюсаренко И.Ю., Стрелкова Л.Б., Храмова Е.П., Цыбуля С.В., Шумакова Е.В., Щербаков Ю.Г. Феномен алтайских мумий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 318 с.

Нечвалода А.И. Лицом к лицу. Каталог скульптурных и графических антропологических реконструкций А.И. Нечвалоды. М.: Старый Сад, 2015. 106 с.

Перерва Е.В. Поздние сарматы Нижнего Поволжья (по данным палеопатологии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 111–122.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения). М.-Л.: Наука, 1965. 303 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 401 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

Самашев З.С. Берел. Тридцать шестой курган. Астана: Издательская группа казахского научно-исследовательского института культуры, 2018. 324 с.

Самашев З.С. Казахский Алтай в контексте этносоциокультурных процессов в Центральной Азии во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Берельских курганов) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №3 (20). С. 10-22.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. 7 / Труды ГЭ. Т.10 / Ред. М.Э. Матъе. Л.: ГЭ, 1969. С. 208–236.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита–раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. О монголоидном компоненте в антропологическом составе носителей пазырыкской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 4. С. 155–163.

Информация об авторе:

Китов Егор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра антропозологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); kadet_eg@mail.ru

REFERENCES

Beysenov, A. Z., Kitov, E. P. 2014. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 4(28), 71–85 (in Russian).

Beysenov, A. Z., Kitov, E. P. 2014. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4–2 (84), 31–41 (in Russian).

Beysenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n. e. (Population of Central Kazakhstan in the I millennium BC)*. Almaty: Institute of Archaeology named after O. Kh. Margulan (in Russian).

Boev, P., Ismagulov, O. 1962. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 131–132 (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1956. In Debets, G. F., Levin, M. G. (eds.). *Trudy Instituta etnografii, novaya seriya (Proceedings of the Ethnography Institute, new series)* XXXIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 238–298 (in Russian).

Zubova, A. V. 2009. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)* Vol. 15. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 267–269 (in Russian).

Kadyrbaev, M. K. 1978. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Kazakhstana (Archaeological sites of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 109–116 (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 33 (2), 112–119 (in Russian).

Kitov, E. P. 2013. In Baitleu, D. A., Khasenova, M. B. (eds.). *Trudy filiala instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (Proceedings of the branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan in Astana)* II. Astana: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 237–241 (in Russian).

Kitov, E. P., Beysenov, A. Z. 2015. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Bulletin of the Moscow University. Series XXIII. Anthropology)* (1), 37–48 (in Russian).

Kitov, E. P., Kitova, A. O., Oralbai, E. 2016. In *Stratum plus* 3, 369–379 (in Russian).

Kitov, E. P., Mamedov, A. M. 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke (Nomadic population of Western Kazakhstan in the early Iron Age)*. Astana: Institute of Archaeology named after O. Kh. Margulan (in Russian).

Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2018. In *Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnogo XV Evraziyskogo nauchnogo foruma (Astana, 25 oktyabrya 2018 g.) (Topical issues in the study of the historical and cultural heritage of the peoples of Eurasia: materials of the International XV Eurasian scientific forum (Astana, October 25, 2018))*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 312–319 (in Russian).

Kitov E.P., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2019. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Prityanshan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Saka cultures of the Tian Shan region (VIII – 1st half of the II century BC))*. Almaty: “Khikari” Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Polos'mak, N. V., Chikisheva, T. A., Blatter, U., Borodovskiy, A. P., Bykov, V. A., Vasilevskiy V. K., Vasil'ev, S. K., Vinogradova, E. V., Vlasov, A. A., Voevoda, M. I., Volodina, T. V., Glushkova, T. N., Denisov-Nikol'skiy Yu. I., Derevyanko, A. P., Doktorov, A. A., Dubinskaya, V. A., Kraevskaya, I. L., Kundo, L. P., Malakhov, V. V., Mikhailov, N. N., Moroz, M. V., Myl'nikov, V. P., Ovsyannikova, I. A., Plyasova, L. M., Rebrov, L. B., Rebrova, G. A., Revutskaya, G. K., Red'kin, A. G., Romashhenko, A. G., Roslyakova, N. V., Sedel'nikov, V. P., Semkin, V. I., Slyusarenko, I. Yu., Strelkova, L. B., Khramova, E. P., Tsybulya, S. V., Shumakova, E. V., Sherbakov, Yu. G. 2000. *Fenomen altayskikh mumiy (Phenomenon of Altai mummies)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Nechvaloda, A. I. 2015. *Litsom k litsu. Katalog skul'pturnykh i graficheskikh antropologicheskikh rekonstruktsiy A.I. Nechvalody (Face to face. Catalog of sculptural and graphic anthropological reconstructions by A.I. Nechvaloda)*. Moscow: “Staryi Sad” Publ. (in Russian).

Pererva, E. V. 2017. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviya na Iuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie (Ethnic Interactions in the Southern Urals. The Sarmatians and their neighbours)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History, 111–122 (in Russian).

Rokhlin, D. G. 1965. *Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh, normal'nye i patologicheskie izmeneniia) (Diseases of Ancient People: Bones of People of Different Epochs, Normal and Pathological Changes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 2018. *Berel. Tridtsat' shestoy kurgan (Berel. The thirty-sixth barrow)*. Astana: Publishing group of the Kazakh Scientific Research Institute of Culture (in Russian).

Samashev, Z. S. 2017. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik (North-Eastern journal of humanities)* 20 (3), 10–22.

Sorokin, S. S. 1969. In Mat'е, M. E. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka (Culture and Art of the Peoples of the East)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 10. Leningrad: The State Hermitage Museum, 208–236 (in Russian).

Chikisheva, T. A. 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita–rannego zheleza (Dynamics of the Anthropological Differentiation of the Population of the Southern Part of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Chikisheva, T. A., Pozdnyakov, D. V. 2022. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4 (50), 155–163 (in Russian).

About the Author:

Kitov Egor P., Candidate of Historical Sciences, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation kadet_eg@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.